

Олеша Попович и сестра братьев Долгополых

А во стольнѣм во городе во Киеве
Вот у ласкова князя да у Владимира
Тут и было пированьѣ-столованьѣ,
Тут про руських могуцих про богатырей,
Вот про думных-то бояр да толстобрюхиих,
Вот про дальних-то купцей гостей торговых,
Да про злых-де полениць да преудалых,
Да про всех-де хресьян да православных,
Да про чесных-де жон да про купеческих.
Кабы день-от у нас идѣт нынѣ ко вечеру,
Кабы солнышко катитсе ко западу,
А столы-те стоят у нас полустолом,
Да и пир-от идѣт у нас полупиром.
Кабы вси ле на пиру да напивалисе,
Кабы вси-то на чесном да пьяны-веселы,
Да и вси ле на пиру нынѣ приростахастались,
Кабы вси-то-де тут да прирозляпались:
Как иной-от-де хвастант своей силою,
А иной-от-де хвастант своей сметкою,
А иной-от-де хвастант золотой казной,
А иной-от-де хвастант чистым серебром,
А иной-от-де хвастант скатным жемцюгом,
А иной-от-де домом, высоким теремом,
А иной-от-де хвастант нынѣ добрым конѣм,
Уж как умной-от хвастант старой матерью,
Кабы глупой-от хвастант молодой жонкой.
Кабы князь-от стал по полу похаживать,
Кабы с ножки на ножку переступыват,
А сапог о сапог сам поколачиват,
А гвоздѣк о гвоздѣк да сам пощалкиват,
А белыми-ти руками да сам розмахиват,
А злачными-ти перснеми да принабрякиват,
А буйной головой да сам прикачиват,
А жолтыми-ти кудрями да принатряхиват,
А ясными-ти оцями да прирозглядыват,

Тихо-смирную рець сам выговариват.
Кабы вси ту-де тут нонь приумолкнули,
Кабы вси ту-де тут нонь приудрогнули.
«Ох вы ой есь, два брата родимыя,
Вы Лука-де, Матвей, дети Петровичи!
Уж вы што сидите, будто не веселы?
Повеся вы держите да буйны головы,
Потопя вы дёржите да очи ясные,
Потопя вы держите да в мать сыру землю.
Разве пир-от ле для вас да все нечесен был,
Да поднощычки для вас были не вежливы,
А не вежливы были, да не ёчесливы?
Уж как винны-то стаканы да не доходили,
Але пивнм-то цяры да не доносили?
Золота ле казна у вас потратилась?
Але добры-ти кони да приуежжены?»
Говорят два брата, два родимыи:
«Ох ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
Уж пир-от для нас, право, чесен был,
А поднощычки для нас да были вежливы,
Уж как вежливы были и очесливы,
Кабы винны стаканы да нам доносили,
Кабы пивныя-ти цяры да к нам доходили,
Золотая казна у нас да не потратилась,
Как и добрых нам коней не заездити,
Как скачен нам жемцюг да всё не выслуга,
Кабы чистой серебро — не похвальба,
Кабы есть у нас дума в ретивом сердце:
Кабы есть у нас сестра да все родимая,
Кабы та же Анастасья да дочь Петровична,
А не хто про ей не знат, право, не ведает —
За семима-те стенами да городовыми,
За семима-ти дверьми да за железными,
За семима-те замками да за немецкими».
А уцюло тут ведь ухо да богатырьскоё,
А завидяло око да молодецькоё,
Тут ставаёт удалой да доброй молодец
Из того же из угла да из передняго,
Из того же порядку да богатырьскаго,

Из-за того же из-за стола середняго,
Как со той же со лавки, да с дубовой доски,
Молодые Алёшенька Поповиць млад.
Он выходит на сѣреду кирпищат пол,
Становилсе ко князю да ко Владимиру:
«Ох ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
Ты позволь-ко, позволь мне слово вымолвить,
Не позволишь ле за слово ты сказнить меня,
Ты сказнить-засудить, да голову сложить,
Голову-де сложить, да ты под мець склонить».
Говорит-то-де тут нынѣце Владимир-князь:
«Говори ты, Олѣша, да не упадывай,
Не единого ты слова да не уранивай».
Говорит тут Олѣшинька Поповиць млад:
«Ох вы ой есь, два брата, два родимьи,
Вы, Лука-де, Матвей, дети Петровици!
Уж я знаю про ваши сестру родимую —
А видал я, видал, да на руки сыпал,
На руки я сыпал, уста челбівал!»
Говорят-то два брата, два родимьи:
«Не пустым ле ты Олѣша да похваляишьсе?»
Говорит тут Олѣшинька Поповиць млад:
«Ох вы ой еси, два брата, два родимья!
Вы бежите-ко нынѣ да вон на улицу,
Вы бежите-тко скорѣ да ко свою двору,
Ко свою вы двору, к високу терему,
Закатайте вы ком да снегу белого,
Уж вы бросьте-тко-сь в окошечко косявчато,
Припадите вы ухом да ко окошечку —
Уж как чѣ ваша сестра тут говорить станѣт».
А на то-де робята не ѣтслушались,
Побежали они да вон на улицу,
Прибежали они ко свою двору,
Закатали они ком да снегу белого,
Они бросили Настасье да во окошецько,
Как припали они ухом да ко окошецьку,
Говорит тут Настасья да доць Петровицьна:
«Ох ты ой еси, Олѣшинька Поповиць млад!
Уж ты што рано идѣшь да с весела пиру?»

Разве пир-от ле для те, право, не чесен был?
Разве поднощычки тебе были не вежливы?
А не вежливы были да не очесливы?»
Кабы тут-де робятам за беду стало,
За великую досаду показалосе,
А хоцют они вести ей во чисто полё.
Кабы тут-де Олёшиньке за беду стало,
За великую досаду показалосе.
«Ох ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
Ты позволь мне, позволь сходить посвататься,
Ты позволь мне позвать да стара казака,
Ты позволь мне — Добрынюшку Никитиця,
А робята-ти ведь роду-ту ведь вольнёго,
Уж как вольнёго роду-ту, смирённого».
Уж позволил им солнышко Владимир-князь,
Побежали тут робята скоро-на́скоро,
Они чесным порядком да стали свататься.
Подошли тут и руськи да три богатыря,
А заходят во гриню да во столовую,
Они Богу-ту молятсе по-ючёному,
Они крест-от кладут да по-писанному,
Как молитву говорят полну Исусову,
Кабы кланяютсе да на вси стороны,
А Луки да Матвею на особицу:
«Мы пришли нынь, робята, к вам посвататься,
Кабы с чесным порядком, с весела пиру,
А не можно ле как да дело сделати?
А не можно ле отдать сестра родимая?»
Говорит тут стар казак Илья Муромець:
«Не про нас была пословиця положена,
А и нам, молодцам, да пригодиласе:
Кабы в первой вины да, бывает, Бог простит,
А в другой-то вины да можно вам простить,
А третья-то вина не надлежит ищэ».
Подавал тут ведь цяру зелена вина,
Не великую, не малу — полтора ведра,
Да припалнивал меду тут да сладкого,
На закуску калач да бел-крупичатой;
Подавают они цярю да обемá рукми,

Поблишешинько они к имá да придвигаются,
Понижешенько они им да покланяются,
А берут-то-де цяру единой рукой,
А как пьют-ту-де цяру к едину духу,
Кабы сами они за цярой да выговаривают:
«А оммыло-де нашо да ретиво серцё,
Звеселило у нас да буйну голову».
Веселым-де пирком, да они свадебкой
Как повыдали сестру свою родимую
За того же Олёшиньку Поповиця.

(Зап. Ончуковым Н. Е.: апр. 1902 г., д. Чуркина (на р. Пижме) Усть-Цилемской вол. — от Чуркиной Федосьи Емельяновны, 55 лет (уроженки д. Аврамовской на р. Пижме).)

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.